

Отметим сразу, что перед нами идеологический роман с прямыми отсылками к современности. Это роман идей, а роман нагнетания одной идеи, одной авторской концепции и подвёрстывания всего и вся под неё.

Такой роман сейчас чрезвычайно распространён в отечественной литературе. Это всегда искусственная конструкция. Автор выстраивает лабиринт, все маршруты в котором приводят в нужную точку. Структуру “Июня” Дмитрий Быков старательно конструирует, вшивая в единый текст три совершенно автономные друг от друга части, которые связаны лишь эпизодическим персонажем да временем действия.

Не так давно вышел роман Елены Чижовой “Китаист”, в котором рассматривается альтернативная версия финала Второй мировой войны, соответственно, и всей последующей отечественной истории. Дмитрий Быков рассуждает о предчувствии войны. О том, что к ней привело и чем она стала для страны. Какой “эффект бабочки” произвёл июнь 1941 года. В его версии никаких других путей нет, война была безальтернативна и неизбежна. Россия обречена на войну и тогда, и сейчас.

Соответственно и “Июнь” – это путь к репродуктору на высоком столбе, из которого сообщили о начале войны. Это начало вовсе не случайно, оно было неминуемо и чаемо. В нём смысл всего.

По Быкову, войны – необходимые спутники отечественной истории. Россия беременна войной. Война здесь – разрешение от бремени, она производит своеобразный психотерапевтический и в тоже время объединительный эффект для нации. Она – лекарь, разрешающий внутренние проблемы, спиывающий их до поры, пока они снова серьёзно не назреют.

Россия не приспособлена к мирной жизни, поэтому война – это предел мечтаний. *Какой же русский не любит хорошей войны?..* А всё потому, что “война отмывала, переводила в разряд подвига что угодно – и глупость, и подлость, и кровожадность; на войне нужно было всё, что в мирной жизни не имеет смысла. И потому все они, ничего не умеющие, страстно мечтали о войне – истинной катастрофе для тех, кто знал и любил своё дело”, – пишет Быков.

Предвоенные годы по Быкову – это ожидание катастрофы, которая всё спишет, обнулит. Она – необходимость, которая позволит выйти из тупика. Катастрофа желанна, она, по базаровской фразе, расчищает плацдарм, на котором всё равно ничего стоящего не появится.

В концепции объяснения начала войны у Быкова есть и традиционная формула “за грехи”. Как в случае с испепелённым Содомом и Гоморрой, должно же “невыносимое существование когда-нибудь кончиться”...

Войну “заслужили”, поэтому и звучит в книге новогоднее пожелание на 41 год: “Пусть все в новом году получают то, что заслужили”. Невинный танец с сокурсницей и попытка поцеловать её обернулись для героя первой части Миши Гвирцмана изгнанием из института. Это и есть взмах бабочкиного крыла, от которого меньше, чем через год, “что-то мигнуло в воздухе”. Женщины тоже может стать вестником войны. А сколько таких взмахов было? Поэтому все вкупе заслужили, “наработали на полноценный конец света”.

В этом Содоме все изначально виновны. То, что нет невинных, объясняет и большой террор, который если и не принимают, то понимают. Особенно рассматривая всё с точки зрения “эффекта бабочки”. Кто знает, как любое действие отзовется. Действует логика царя Ирода, давшего приказ на избивание младенцев. “Когда-нибудь любой должен оказаться виноват и с готовностью принять”, — говорит у Быкова секретарь факультетского комитета Драганов.

И вот уже во второй части журналист Борис Гордон рассуждает о том, что страна “неутомимо плодит виноватых, виноватыми легче править, а в России не бывает невинных, все помазаны с детства, с первых шагов, условия таковы, что невозможно не согрешить”. Увечное бытие отмечает всех своей печатью.

Быков ставит вопрос греха всей отечественной истории, которая сама по себе “калечна” и содержит “чёрное пятно”, оно “будет теперь расплзаться, пока не захватит её всю”. Может быть, с приходом советской власти этот грех стал более отчётлив.

Грех — это вечная эстафета российской истории. Он тянется дальше, и рано или поздно, как гнойник, нарываяет войной. Страна у автора сравнивается с ковром, “который сам по первому требованию выпускает всю пыль...”

Для идеологического романа важна плотная спайка с современностью. Весь быковский “Июнь” прошит этими аллюзиями. Книга читается в двух плоскостях: как историческое повествование и в качестве своеобразной аллегории наших дней. Главное в книге Быкова — провести максимально возможные параллели. Такое ощущение, что современность со всем её скарбом он отправил в командировку в предвоенные годы. По мысли автора, она бы там великолепно прижилась.

Быков нагнетает ощущение, будто вся наша новостная лента уже проявлялась в прошлом. Это и война с Финляндией — тоже бывшая территория империи, разговоры “о развороте на Восток. Почему-то о Турции... Хотя — какая Турция? Пишет про коллективный невроз — штамп нашей либеральной общественности, про подозрительность, навязчивую мысль, что сдают страну. Гитлер у него очень сильно смахивает на Трампа: “Он мужик, он народный оратор, и сколько бы там сегодня ни кричали, что за ним стоит крупный капитал, — мы знаем, что за ним стоит пролетариат”. И много другого из наших дней, вплоть до своеобразной ностальгии по Союзу — “какая бесподобная мерзость: “...такая точность, что мальчики иных веков, наверно, плакать будут ночью о времени большевиков”!

Всё это объясняется историософской концепцией автора: накопление греха, который якобы является субстанциональным свойством отечественной истории, ведёт к войне, и так по кругу дурной бесконечности мясорубки. Потому как, по его мнению, Россия сама такова и единосушна этой мясорубке: “Тут если и налаживали чью-то одну судьбу, ломали за это десятка два других; если разжимали челюсти, выпуская одного, — взамен заглатывали сотню”.

Быков проповедует и пророчествует. Его пророчество злое, переходящее в кликушество. Недаром и эпиграф к книге взят из блоковской поэмы “Возмездие”. Война — Немезида России. Она карает, но в то же время и избавляет от собственного мучительного существования обитателей изначально порочного Содома: “Эта система, изначально кривая, ещё до всякого Октября могла производить только больные ситуации, в которых правильный выбор отсутствовал”.

В быковской книге от молодого поэта до полубезумного литератора градус проповедничества увеличивается. Вплоть до навязчивых авторских манифестаций: “В России нельзя быть хорошим человеком, Боря понял это давно, потому что все коллизии, которые продуцировала Россия, были коллизии увечные, выморочные. Вот почему всякий моральный выбор непременно превращал тебя в подлеца”.

Так он подводит к мысли, что у русских “единственное их предназначение – война”. Иначе невыносимо жутко станет от собственного бытия и от самих себя, ведь это “Народ-предатель. Никакой внутренней основы. Он предаёт всех”.

Идеологический роман не онтологичен, он поверхностен. Но он и не предназначен для глубоководных исследований. Это иллюстрация определённой схемы. Он не полемичен и не предусматривает какой-то иной трактовки. Здесь всё идёт от головы и совершенно нет сердца. Нет непредсказуемости и даже допущения чуда. Всё для того, чтобы провести полный параллелизм прошлого с настоящим, выявить повторяемость ключевых коллизий и выступить в роли Кассандры. Сюжет и герои здесь вторичны, они в нагрузку, их роль – лишь выступить в качестве свидетелей, подтверждающих аналогии. Их задача – дать свидетельские показания, которые им диктует автор. Отсюда и трёхчастная структура книги, где части обособлены и независимы друг от друга.

Идеологический роман – искусственен. Не стоит попадаться на удочку автора, который предлагает вам заняться разгадыванием ребусов и шарад его лабиринта. Выход вы всё равно не найдёте, а будете только блуждать.

В дебатах с министром культуры Владимиром Мединским Дмитрий Быков говорил о вреде идеологии в культуре. Он это обозначал термином “скрепы” и утверждал, что нельзя воспитывать патриотизм. А между тем, сам работает на этом идеологическом поле. Ему давно уже мало рассказать историю, он мнит себя больше, чем писателем. Властителем дум. Проповедником и пророком...

Дмитрий Быков – Лёва из романа “Санька” Захара Прилепина, он всё продолжает твердить про кошмар русской истории и ожидает, когда же он закончится. Ждёт и злится оттого, что всё вокруг не торопится погрузиться в тартарары.

Претензии у него всегда грандиозные, но по факту получается, что Быков лишь кутается в литературу, как в перину. Его проза тучная, вязкая, будто ворох одеял. Где-то на уровне подсознания он всё ещё жаждет остаться литературным мальчиком Димой, живущим внутри литературы. Только там ему комфортно, только там можно обустроить мир по собственному усмотрению и выстроить какой угодно лабиринт. Но оказывается, что это всё тот же ворох старых одеял, в которых он прятался. Живая литература бежит от него, а он отчаянно пытается её догнать, путаясь в своих перинах.

“Июнь” – книга уставшего и жутко разочаровавшегося во всем человека. Разрастающийся патологический страх диктует желание, чтобы всё вокруг рухнуло в тартарары. Автор, как и его герой, спешит, потрясая кулаком, произнести новгороднее пожелание, где и про конец света, и Содом, и потрясения.